

УДК 124.5+392.51

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.165

Семиотика советской свадьбы: новая обрядность vs традиция¹

В.Ю. Лебедев¹, А.М. Прилуцкий²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Статья посвящена изучению специфики формирования новой обрядности в Советской России на примере свадебной обрядности. Авторы исследуют влияние политических и идеологических факторов на создание и развитие гражданских обрядов, сравнивая их с ритуальной семиотикой традиционной религиозности. Особое внимание уделяется конфликту между попытками внедрить новые нормы поведения и сохранить культурные традиции, предпринимаемыми в позднем СССР. Основной вывод статьи заключается в том, что несмотря на усилия государства по созданию новой системы символов и значений, многие традиционные практики продолжали существовать параллельно новым, иногда вступая в противоречие друг с другом. Это привело к формированию гибридных форм обрядов, которые сочетали элементы традиции и псевдотрадиций, создавая уникальную семиотическую систему, отражающую сложный исторический контекст эпохи.

Ключевые слова: семиотика, гражданская обрядность, традиционная религиозность, советская свадьба, биритуализм.

Процесс формирования новой – гражданской или социалистической обрядности начинается вскоре после Октябрьской революции и продолжается на протяжении всего времени существования Советского Союза. В разные этапы советской истории этот процесс происходил с различной степенью интенсивности и массовости, при этом менялась парадигматика создающейся обрядности, трансформировалось идеяное и, в частности, ее идеологическое содержание. Интересно, что советские идеологи, разрабатывающие и анализирующие новую обрядность, не отвергали генетическую связь новой обрядности и традиций религиозного уклада жизни, по крайней мере применительно к первым опытам создания советской обрядности: «...таких форм было две: всенародные праздники и религиозные обряды. Поэтому первые гражданские обряды нередко облекались в форму религиозного действия без мистического содержания или копировали общественные праздники, собрания, митинги, шествия с их президиумами, докладами, знаменами, высокопарными речами, принятием обязательств» [4, с. 14]. Атеистическая направленность нового обряда зачастую находила выражение в квази-религиозной форме.

Базовые цели нового обрядового творчества можно определить как:

¹ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена 85 ВГ.

- вытеснение и дезактуализация религиозного обряда в рамках атеистической борьбы и путем создания ситуации семиотической конкуренции;

- социализация;
- индоктринация;

- привитие новой картины социальных и витальных целей и ценностей, ради чего стоит осознанно жить (паттернизация формируемого жизненного мира).

Однако с идеей создания альтернативного обряда не все столь однозначно. Мысль о том, что создать полностью новый обряд крайне сложно, уже стала общепринятой (ср.: нередко цитируемый источник [6]). Следствием этого, в частности, и была ориентация на структурные особенности религиозных ритуалов, т. е. невозможность уйти от них полностью и, соответственно, необходимость эксплуатировать их в качестве одного из источников ритуалотворчества. Генерация «двойника» в определенной степени оказывалась неизбежной.

Если первоначально новая обрядность формировалась преимущественно как инструмент атеистической пропаганды, «средства противодействия церковному влиянию» [1, с. 8, 26], а сам «новый обряд» позиционировался как атеистическая альтернатива традиционным религиозным обрядам, то в последние годы существования Советского Союза атеистический пафос новой обрядности ослабевает, хотя и сохраняется в редуцированном виде. На смену ему приходят идеологемы гражданственности, направленные на формирование советского варианта гражданской религии, акцент делается не на атеистические установки, но на пропаганду идеологем трудовой и боевой доблести, сплачивающих социум, а социалистическая обрядность начинает выступать прежде всего как выражение «коммунистических идеалов и духовных ценностей» посредством традиций, которые «выражают передовые социальные идеи» [7, с. 9]. Последние противопоставлялись традициям «отжившим, зовущим назад, мешающим строить новую жизнь» [7, с. 9]. Отметим сразу, что вредные с точки зрения советских идеологов традиции не ограничивались традициями религиозными. К ним относились, например, этикетные ритуалы, некоторые из коих изживались с сильным раздражением (как входившие в семиосистемы повседневного быта, служебных отношений, мыслившихся переосмысленными и радикально измененными). Отношения «начальник-подчиненный» провозглашались иными, чем таковые были при старом строе, а невинные статуэтки-слоники удостоились даже высмеивающей их (заодно с их любителями) песни и почти десятиминутного фрагмента в кинофильме. А.В. Ипполитов говорит о целой «слоникомании» [5, с. 231]. Предполагалось, что новая обрядность может сопровождать все основные аспекты социальной жизни советского человека, и это нашло отражение в разрабатываемых в то время стратификации и типологизации обрядов. В любом случае, критика религиозного обряда носила в большинстве случаев поверхностный характер, не предполагающий сколько-нибудь глубокого представления о значении критикуемых понятий и концептов. В условиях, когда уровень знаний о реальном содержании тех или иных религиозных традиций был в обществе минимальным, поверхность этой критики не вызывала лишних вопросов. Так, например, критика обряда церковного венчания строилась вокруг следующих тезисов: «церковный обряд венчания унижает человека. Чего стоит только одна формула “венчается раб божий”?! А уж советской девушке и вовсе претит “освящение” подчиненного, подневольного положения жены в семье, которое проповедует религия. Церковь запрещает браки с “инаковерующими”, становясь на пути любви,

разделяя людей различных национальностей, поддерживая и раздувая не свойственный советским людям национализм» [8, с. 71].

Вытеснению из семиотического пространства подлежала не только собственно религиозная семантика (и все с нею связанное), но и пестрый комплекс самых разнообразных свадебных суеверий, которые как раз и проявили гораздо большую устойчивость, в первую очередь из-за своего разнообразия и вариабельности, неинституциализированного бытования и предельной понятности даже для малограмотных. Урбанизационные и миграционные процессы обогатили «городскую свадьбу» различными привнесениями из деревенской культуры (так, в качестве подобного привнесения представляется обряд выкупа невесты в самых разных своих вариантах). Особую роль играли демонологические представления, порождающие разные действия против порчи, сглаза и иных видов вредительства.

Согласно предложенной советскими идеологами классификации обрядов, предполагалось, что «общественные обряды» подразделяются на две группы – «институционализированные» и «неинституционализированные обряды». В свою очередь, «институционализированные» обряды подразделялись на социально-политические (например, прием в пионеры, прием в комсомол) и гражданско-правовые (например, регистрация новорожденных, вручение паспорта, проводы в армию, регистрация брака). Неинституционализированные обряды подразделялись на трудовые (например, праздник урожая, праздник первой борозды, обряд посвящения в рабочие) и бытовые (встреча Нового года, проводы русской зимы) [4, с. 85].

При этом прагматика новой обрядности на уровне культуры повседневности часто ограничивалась ритуальным оформлением социально-значимого действия, область герменевтики идеологем им не затрагивалась. Фактически сложились условия для формирования нового обрядоверия, но только отрешенно-пассивного участия в ритуале для этого недостаточно. Если нарушение ритуала, небрежения им не влечет серьезного наказания (а максимально серьезное – имеющее потусторонние санкции), истово верить в обряд нет мотивов, он выполняется как обычная условность, которую дешевле выполнить, нежели активно избегать. Об этой семиотической специфике новой обрядности заговорили только в период позднего СССР, объясняя данное явление недостаточным уровнем гражданской культуры обменившихся обывателей: «человек должен быть подготовлен к восприятию общественного смысла обряда всей предшествующей системой воспитания – отсутствие гражданской и нравственной зрелости обряд компенсировать не может, он способен лишь в специфической форме подчеркнуть значение события, этим обрядом фиксируемого» [1, с. 26]. Равным образом предполагалось, что падение интереса к обряду церковного венчания в реалиях советского времени было обусловлено сложностью, непонятностью церковного обряда, понимание смысла которого требовало наличия как минимум знания катехизиса. При этом семантика таинства была, судя по всему, непонятна и самим идеологам новой обрядности, зачастую невежественным в вопросах религиозной жизни: «Что же касается мировозреческой стороны обряда, то она не имеет какого-либо иного содержания, кроме как даваемого в трактовке церковного катехизиса и представляется как “таинство, в котором благословляется... супружеский союз во образ духовного союза Христа с церковью”. Очевидно, что даже при отсутствии атеистических убеждений смысл обряда вряд ли может быть привлекательным (понятным. – Авт) для человека, в повседневной жизни весьма далекого от церковности» [1, с. 18]. Очевидно, что семантика таинства брака далеко

не исчерпывается краткой формулировкой катехизиса, соответственно утверждение об отсутствии иного содержания является профанирующим упрощением.

Ретроспективный анализ гражданской ритуалосферы, сформировавшейся к периоду позднего СССР, позволяет сделать предположение, что вопреки поставленным идеологами задачам, советская и церковная обрядность далеко не всегда существовали в пространстве народной культуры в условиях жесткой конкурентности. В тех социальных и культурных стратах, в которых сохранялась (хотя часто и в редуцированном виде) традиция совершения религиозных ритуалов, формировался своеобразный биритуализм. Разработчики новой обрядности упрощенно рассматривали данное явление как переходный этап от церковной обрядности к «новой», сетуя на молодость последней: «Наши гражданские ритуалы еще довольно молоды, их “практический” стаж не так велик по сравнению с церковными... Поэтому допустим этап, когда в сознании некоторой части людей сосуществуют те и другие обряды при постоянном уменьшающемся числе исполняющих религиозные посвятительные обряды» [11, с. 136].

Говоря об обрядах гражданской религии, можно выделить факультативные и облигатные (как в плане жесткости внешнего предписания, так и в плане частоты внутреннего выбора самих участников). Первые создаются и используются в зависимости от чьего-то решения и специфики ситуации. Например, без ритуалов, связанных с рождением, можно и обойтись (хотя Крещение, для замены которого они в немалой мере и создавались, как факультативное не рассматривается). Вторые связаны с неустранимостью события, к которому они привязаны и с очень устойчивой традицией нечто совершать. Свадебное действие как раз относится к облигатным. Одним из мощных мотиваторов ритуализации свадьбы является стремление сделать брак крепче и надежнее. Для сравнения – ритуал посвящения в профессию не воспринимается как «работающий» на длительность стажа.

Совершение гражданского обряда, имеющего юридическо-правовое значение, не исключало, но фактически трансформировалось в условие совершения религиозного ритуала, что создавало почву для сосуществования двух обрядовых практик, которые на уровне культуры повседневности перестали восприниматься как взаимоисключающие. Задуманный как инструмент атеистической пропаганды, «гражданский брак» при определенных условиях оказывался вполне совместимым с церковным венчанием, более того – фактически трансформировался в одно из его условий. Так, применительно к совершению таинства брака, в 4 томе «Настольной книги священнослужителя», изданной по благословлению патр. Пимена, прямо говорится: «венчание совершается, как правило, над супругами, зарегистрировавшими предварительно свой гражданский брак в ЗАГС’е» [9, с. 297]. Церковный брак воспринимался скорее не как альтернатива гражданскому, но как его дополнение, не в последнюю очередь – эстетическое.

Мотивационная сфера в случае с новыми ритуалами демонстрирует по меньшей мере двойственность побудительных мотивов: от невозможности уйти от обязательных предписаний до смутного ощущения необходимости «нечто совершить», чтобы не было неких, пусть и смутно осознаваемых, дурных последствий. Здесь встречается и десемиотизация с превращением празднования календарной даты в семейное застолье, для которого дата – условный повод.

Несмотря на то, что советские идеологи, формируя ритуалосферу новой свадебной обрядности, поставили задачу максимально рецептилизовать лишенную

выраженного религиозного значения этнографию народной свадьбы путем контаминации элементов народной обрядности и ритуалогем нового гражданского обряда. Очевидно, что достичь этого оказалось невозможным: с одной стороны оставалась нерешенной проблема интертекстуальности традиционных ритуалогем, укорененных в религиозный контекст, а с другой – формируемая обрядовая эстетика неизбежно носила характер китча.

На уровне культуры повседневности средоточием гражданского обряда на всем протяжении существования СССР оставался юридический акт заключения брака: «анализ существующего опыта торжественной регистрации брака, а также литературы по этому вопросу показывает, что до сих пор существует нечеткое представление о различии между свадьбой, гражданским обрядом и юридическим актом регистрации брака. Нередко свадьбу отождествляют с торжеством гражданского обряда, а гражданский обряд сводят к правовому акту» [4, с. 61]. Попытки инкорпорировать элементы традиционной свадьбы – свадебный поезд и свадебное застолье в формат социалистической обрядности успехом не увенчались, герменевтически они существовали в формате непересекающихся страт ритуалосферы, причем различной этиологии. Именно поэтому предложения во время свадебного застолья провозглашать здравницы присутствующим участникам войны и передовикам производства типа «сегодня на нашем торжестве присутствуют люди, которые в грозные годы войны не жалели сил и здоровья, жизни, чтобы одержать победу над врагом. Мирными трудовыми буднями, своим счастьем мы обязаны этим мужественным людям – ветеранам войны. Долгих лет им жизни! Под аплодисменты гости поют песни фронтового времени» [2, с. 180] не стали популярными, поскольку применительно к свадебному застолью родственный статус участников превалировал над прочими социальными ролями (ветеран, передовик, орденоносец и т. п.). Вообще для советского идеодискурса характерна попытка обосновать традиционное свадебное застолье, генетически исключив его из традиционного свадебного ритуального комплекса, семантическим ядром которого было церковное венчание. Очевидно, делалось это для того, чтобы избежать ассоциаций, порождаемых фактором интертекстуальности. Популярность свадебного застолья как обязательного элемента «новой свадьбы» требовала исключения его из традиционной церковно-ориентированной парадигмы ритуала, поэтому в рамках искусственно создаваемой ритуалосферы свадебное застолье искусственно на аксиологическом уровне противопоставлялось церковным ритуалам: «свадебное застолье у многих народов считалось выше церковного венчания» [11, с. 154].

По причине искусственности не получил развития и феномен «колхозной свадьбы», описание которого мы приведем по изданию 1965 г. «Молодая колхозница выходит замуж за парня из другого села и покидает родной колхоз. Свадебный поезд останавливается на границе артельных полей. Новобрачные выходят из машины и низко кланяются, прощаясь с товарищами по труду, с родимой землей... Напутствуя колхозницу в новую жизнь, провожающие желают ей “Пусть будет чистым ваш брак, пусть всегда будет светлой ваша любовь, крепка дружба”. А как встретят молодую супругу в новой артели, куда вступает она, выйдя замуж? ... Новые товарищи встречают новобрачную на границе своих полей – здесь депутаты сельсовета, представители общественности. Ветераны труда подносят молодой хлеб-соль и говорят: “Принимаем вас в колхозную семью как родную dochь”» [8, с. 79]. Помимо выраженных семиотических

референций к принципу фактической безальтернативности работы в колхозе (отсутствие паспортов у сельского населения), плохо совместимыми с идеей праздника, данное ритуализированное действие оказалось несостоятельным и в качестве собственно свадебного ритуала, очевидно, что ни по эстетическому, ни по этическому содержанию конкурировать с традиционным церковным венчанием оно не могло. Попытка заместить символизм семейно-родственных отношений в ритуалосфере свадьбы социально-профессиональными ролями (т. е. искусственная трансформация семейно-бытового обряда в социально-трудовой) способна только породить симулякры, подобные вышеупомянутому.

Идеологическим фактором можно объяснить и популярную в то время критику «излишеств» свадебного застолья, в котором виделись черты мещанства, проявление «ярмарки тщеславия» [3, с. 9] и реликты купеческого быта [12, с. 104], несовместимые с присутствием выразителей и представителей новой, «прогрессивной» идеологии – передовиками, орденоносцами и т. д.

Говоря об обрядах гражданской религии, можно выделить факультативные и облигатные. Первые создаются и используются в зависимости от чьего-то решения и специфики ситуации. Например, без ритуалов, связанных с рождением, можно и обойтись (хотя Крещение, для замены которого они в немалой мере и создавались, как факультативное не рассматривается). Вторые связаны с неустранимостью события, к которому они привязаны и с очень устойчивой традицией нечто совершать. Свадебное действие как раз относится к облигатным. Одним из мощных мотиваторов ритуализации свадьбы является стремление сделать брак крепче и надежнее. Для сравнения – ритуал посвящения в профессию не воспринимается как «работающий» на длительность стажа.

Однако для всех было очевидно, что здравницы в честь ветеранов и передовиков производства не могут стать семантическим ядром новой свадебной обрядности. Пришлось вынужденно обращаться к «традиции», однако это обращение было способно в тогдашних условиях лишь продуцировать китч, поскольку речь шла не о возрождении традиции с ее неизбежными религиозными смыслами, ассоциациями и коннотациями, но адаптации ее отдельных элементов, насилиственно вырванных из контекста. В итоге, то, что попытки комбинировать «традицию» и «новации» в рамках единой ритуалосферы часто выглядели нелепыми, не ускользало от взора и разработчиков новых ритуалов, которые были вынуждены констатировать: «но как часто горячее желание устроителей украсить современную свадьбу элементами старины оборачиваются досадными разочарованиями молодых и их родителей! Попытка нашпиговать свадебное застолье как можно больше патриархальными приемами выглядит весьма неуклюже, в результате может получиться не величание, а потеха. Походя отдав дань старине, организаторы свадьбы оперативно переключаются на “современность”: здесь они напрямую обращаются к репертуару массовиков-затейников, орудующих на танцевальных площадках, или к устаревшим репризам персонажей телевизионного “Кабачка 13 стульев”, не отличающимся изысканностью... Натянутые призывы “без улыбки не входить”, искусственный наигрыш, вымученная жизнерадостность способны создать у гостей лишь чувство неловкости, желание остаться в тени (упаси боже, еще заставят соревноваться в беге “в мешке” или отвечать на вопросы викторины: “в чем семейное счастье?” Начинается долгое, однообразное застолье...» [3, с. 10–11].

Очевидно, что конкурентность нового обряда поддерживалась преимущественно административным ресурсом (например: «успех каждого нового праздника или обряда во многом зависит от того, какое внимание к ним проявляют партийные, профсоюзные, комсомольские организации» [10, с. 24]), при этом о естественном развитии формируемой ритуалосферы говорить не приходилось. Начался процесс структурной редукции, в результате которой ритуалогемы отмирали, структура обряда упрощалась: «В праздновании свадеб забытым оказалось многое из того, что превращало их в увлекательное, запоминающееся действие. Программа продумывалась и готовилась загодя, при этом бережно сохранялись традиции прошлого. Потом все исчезло. Правда, в деревнях еще можно стать свидетелем свадьбы-ритуала, но в городах четко срабатывала схема: загс – ресторан или загс – клуб, столовая или домашнее застолье» [12, с. 101] При этом «борьба с мещанством», направленная преимущественно на удешевление свадьбы, способствовала еще большему упрощению семиотики, а формирующийся китч неизбежно сам формировал ассоциации с «мещанством».

Не случайно именно семиотически избыточная «новая свадьба» стала популярна в 1990-е гг., когда росло количество людей, способных материально обеспечить подобную экзотику.

Ритуалогречество в целом представляет собой длящийся процесс, отзывчивый на смену условий («безалкогольные свадьбы», распространяемые в определенные периоды, соотнесенные с социальными тенденциями), порой с оживлением того, что считалось этнографическим реликтом, поэтому можно ждать появления нового материала, его описания и анализа. При всей возможной причудливости морфологии общую стратегию семиотизации можно считать предсказуемой.

Список литературы

1. Алтекман Д.М. Атеистический потенциал советского обряда и праздника. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1987. 40 с.
2. Борисенко В.К., Курочкин А.В. Культура свадебного застолья // Традиции. Обряды. Современность. К.: Изд-во Политической литературы Украины, 1983. С. 168–184.
3. Заградская С.Г От составителя // Играем свадьбу. М.: Советская Россия, 1987. С. 10–11.
4. Зеленов Л., Лавров М. Эстетика гражданского обряда. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1975 . 88 с.
5. Ипполитов А.В. Последняя книга. Не только Италия. М.: Колибри, 2025. 320 с.
6. Мартемьянов Ю.С., Шрейдер Ю.А. Ритуалы – самоценное поведение // Социология культуры: сб. М.: Наука, 1975. Вып. 2. С. 113–139.
7. Мартынов Б. Эстафета духовного богатства // Праздники, обряды, традиции. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 3–18.
8. Нагиряк Е., Петрова В., Раузен М. Новые обряды и праздники. М.: Изд-во Советская Россия, 1965. 231 с.
9. Настольная книга священнослужителя. М: изд. Московской Патриархии. 1983. Т. 4. 824 с.
10. Руднев В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л.: Лениздат, 1979. 206 с.

11. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. 191 с.
12. Федорова З. Дворец счастья // Праздники, обряды, традиции. М.: Молодая гвардия, 1979. 159 с.

Semiotics of soviet wedding: new rituals vs tradition²

V.Y. Lebedev¹, A.M. Prilutskij²

¹Tver State University, Tver

² Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The article is devoted to the study of processes in the formation of new rituals in Soviet Russia using wedding ceremonies as an example. The authors investigate the influence of political and ideological factors on the creation and development of civil rites, comparing them with the semiotics of traditional religiosity. Special attention is paid to the conflict between attempts to introduce new norms of behavior and preserve cultural traditions of the people, undertaken during late USSR period. The main conclusion of the article is that despite efforts by the state to create a new system of symbols and meanings, many traditional practices continued to exist alongside the new ones, sometimes contradicting each other. This led to the emergence of hybrid forms of rituals combining elements of tradition and pseudo-traditions, creating a unique semiotic system reflecting the complex historical context of the era.

Keywords: *semiotics, civil ritual, traditional religiosity, soviet wedding, biritualism.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 25.10.2025.

² Acknowledgements: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 85VG).